

Ляман БАГИРОВА

Этого экзамена я боялась более всего. И вовсе не потому, что он был труднее других. Были экзамены и потяжелее. Но, как гласит студенческая мудрость: главное не предмет, а психология преподавателя. Разгадаешь психологию человека - считай, все в ажуре.

Но в том-то и дело, что разгадать нашего преподавателя по советской литературе было невозможно. Мстислав Иванович не подходил под определения. Чувствовала в нем какая-то страшная боль, будто что-то раздирало его изнутри. Особенно когда он рассказывал про Фадеева и его самоубийство. Обычно спокойный, педагог наш мгновенно краснел, белые волосы развевались и даже голос повышался на несколько тонов. Это уже потом мы узнали, что Мстислав Иванович был арестован по 58-й статье, отбывал срок в Семипалатинске и что такое ужас репрессий знал не понаслышке.

Лекции его были странными, словно обращенными внутрь себя, к какому-то невидимому собеседнику. Мысль прерывалась, обростала воспоминаниями, словно тысяча нитей, запутанных, скрученных. Нити эти обрывались, но и образовывали связи. Большая часть дурашливого студенческого братства не вслушивалась в лекции, и тем не менее подпадала под неясное обаяние лектора.

Однако, как ни крути, а экзамен сдавать надо. Вытянув билет, я приуныла. "Разгром" Фадеева, "Цемент" Гладкова, трилогия Федина. Как на подбор, одни из любимых моих произведений. А молчать и просто что-то мычать нельзя - шла на красный диплом, этот экзамен - последний перед защитой диплома.

Вспомнив наскоро, что говорилось об этих романах в учебнике, я бесцветным голосом стала бормотать нечто, изображающее знания. Мстислав Иванович слушал безучастно, подперев голову, и отрывистыми движениями перелистывал мою зачетку. По всему было видно, что он с удовольствием вцепил бы мне "тройку", что было

бы милосердно, ибо заслуживала я "неуда". Но... Набегали минуты, перелистывалась зачетка. Круглая отличница с первого курса. Вцепить "тройку" - испортить диплом. Липо Мстислава Ивановича выразило крайнюю степень разочарования и усталости:

- Достаточно, - отрезал он скрипучим голосом и стал выводить мне "пятерку". Это уже было выше моих сил, но и признаваться в собственном фиаско ни за что не хотелось.

- Следует заметить, - тихо отчеканила я, - что в этот период творили не менее выдающиеся мастера пера. Паустовский, Каверин, а одним из правдивых произведений о войне можно назвать "Спутники" Веры Пановой.

Рука с зачеткой на секунду замерла и взгляд, брошенный исподлобья, выразил заинтересован-

* * *

Итак, Вера Федоровна Панова. Героиня моего нынешнего эссе. Официально признанная советская писательница. Автор романов "Спутники", "Кружилиха", "Сентиментальный роман", "Евдокия", повестей "Ясный берег", "Рабочий поселок", многих рассказов, пьес, исторической эссеистики (последняя ее работа - историческое эссе "Жизнь Мухаммеда", посвященное пророку Мухаммеду), трижды лауреат Сталинской премии. Превосходный журналист с цепким мужским взглядом на описываемое и чисто женской способностью запоминать и вбирать мелочи во всем их многообразии.

В Ростове-на-Дону, где 20 марта 1905 года родилась будущая писательница (кстати, она так и писала о себе в автобиографических

ДОРОГАЯ "ПЯТЕРКА"

ность. Этих имен не было в программе, я назвала их в отчаянии, просто потому что любила.

- Вы читали Панову? - голос Мстислава Ивановича был ровным, но во взгляде по-прежнему сквозила искренняя заинтересованность и даже уважение. Ручку с зачеткой он отложил.

- Да. "Спутники", по которым был снят прекрасный фильм "На всю оставшуюся жизнь", повесть "Ясный берег", "Кружилиху", "Серрежу", конечно, - как ни в чем не бывало заявила я и принялась рассказывать о "Спутниках" - великолепном романе о буднях военносанитарного поезда, о сложных судьбах ее главных героев.

К концу своего рассказа в моей зачетке было не просто "пять", я получила одобрительную улыбку Мстислава Ивановича, что было большой редкостью.

- Вы меня не разочаровали, - тихо сказал он, протягивая зачетку. - Приятно видеть думающих студентов. Приятно, что вы читали Панову. Удачи!

С той поры минуло почти 30 лет. "Пятерку" у Мстислава Ивановича до сих пор считаю самой дорогой и памятной. И не только потому, что мне удалось выкрутиться и найти "подход к разгадке" нашего преподавателя. А еще и потому, что имя, которое я так удачно назвала, действительно заслуживает внимания и благодарной памяти.

эссе "говорила: хочу быть писательницей и буду!") на улице Пушкинской есть приметный дом. Сейчас в нем Музей изобразительных искусств. А в начале 20-х был Дом работников просвещения. В одной из комнат его собиралась РАПП - Ростовская ассоциация пролетарских писателей - литературная молодежь. Одной из активных участниц РАПП была юная Вера Панова - тоненькая девочка в красной косынке с удивленными и удивительными глазами. Казалось, она запоминает ими все: цвет и движение воздуха, угловатость и округлость вещей и слов, жесты, лица, фигуры. Такие лица бывают у очень приметливых и азартных художников, которым хочется все запечатлеть на полотне или на бумаге.

У Верочки Пановой уже в те юные годы была эта страсть: рисовать, живописать, только не красками и карандашом, а словами. Ее друзья знали, что она с трудом проходила мимо чистого листа бумаги, ее тянуло непременно набросать на нем новое, чем-то привлекавшее ее внимание лицо, слово, фразу. Впрочем, памятью она обладала феноменальной: все словно фотографировалось в ней, чтобы потом в нужный момент вынырнуть и лечь на бумагу.

→ 13

Получив задание, собрав и обдумав материал (а все это делалось как будто на бегу, на ходу), она садилась за свой стол в привычной, характерной для нее позе - поджав под себя одну ногу. Придвигала стопку заранее нарезанных длинных и узких листков, закуривала и ровным красивым почерком писала почти без помарок. Машинистки обожали ее рукописи - четкие, ясные, с тщательно и обдуманно расставленными знаками препинания. "Я - старая журналистская волчица", - любила говорить она о себе.

Эту особенность она сохранила на всю жизнь. Даже тяжелейшие болезни, обрушившиеся на нее в последние годы, инфаркты и инсульт, после которого она оказалась прикованной к инвалидному креслу, не смогли погасить ни зоркости глаза, ни точности слуха, ни верности писательского чутья. Самой высшей похвалой в ее устах было слово "профессионал", шла ли речь о писателе или враче.

"Удивительное у нее лицо, - вспоминала поэтесса Инна Гофф - автор стихов к знаменитой песне "Русское поле". Глаза крупные, желтовато-карие, хищные. Смеялась она легко и очень добродушно, но взгляд был нежным, вбирающим в себя все до мельчайших деталей. Иногда в разговоре уходила куда-то вглубь себя, и тогда глаза были обращены не на собеседника, а как бы внутрь."

И работа ее всегда (привычка, выработанная со времен юности) производила на стороннего наблюдателя впечатление артистической легкости, виртуозности.

Во время работы Вера Федоровна будто и не прислушивалась к спорам. "Но вдруг поднимет глаза, вынет из уголка рта неизменную папиросу и коротенькой репликой, как озорным шелчком, свалит всю многоярусную тираду выступающего или подбросит тему для нового спора."

Она была очень иронична, насмешлива, но добра и очень памятлива на все то доброе, что дарила ей судьба.

А судьба, как и у многих в те годы, была очень и очень нелегкой. С первым мужем и отцом ее дочери Натальи - журналистом Арсением Старосельским она рассталась, второй муж - журналист Борис Вахтин был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Вере с пожилой матерью и тремя детьми - Натальей и двумя сыновьями Борисом и Юрием пришлось очень долго мыкаться, выживать, зачастую голодать. После вызволения Полтавщины из оккупации, где вся семья жила в деревне, беженка с детьми и матерью оказалась в эвакуации на Северном Урале. Все свое детство, отрочество и юность и молодые годы она стирала, убирала, добывала и готовила пищу и всю сознательную жизнь придумывала, как расскажет об этом, как напишет книги, где будет все, с кем она росла и выросла и жила бок о бок. Но не оттого ли так драматичны ее книги, не оттого ли почти все они нашли свое воплощение на сцене или в кино?.. Все герои были пронесены через сердце, через судьбу, ее проза напоминала стихи, ибо фраза была не просто написана на бумаге, она была построена. Вслушайтесь, эти фразы звучат как музыка: "Героиня наша идет, красавица наша идет... Митя! Митя! Вставай, деточка наша приехала. Юленька приехала..." Так в

"Спутниках" родители встречают свою дочь - хирургическую сестру, старую деву Юлию Дмитриевну.

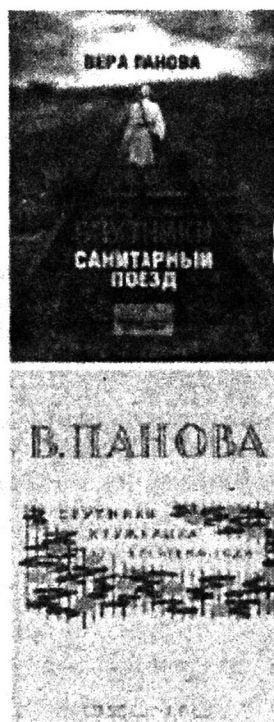
Или ставшие уже почти нарицательными фразы из бессмертного "Сережи": "Дядя Петя, вы дурак?" "Мы, что все умрем?" "Ушел хозяин сада в поющий розовый мир, куда и Сережа уйдет когда-нибудь".

Или пронзительное по нежности откровение "Не золотые кудри, не васильковые очи, - волосы прямые русые, глаза серые, - ах ты моя милая, ты моя хорошая, куда ж я раньше глядел, где я раньше был, никакой другой нет на свете, позови ты меня сейчас - за тысячу километров побежал бы на твой зов!" (повесть "Ясный берег").

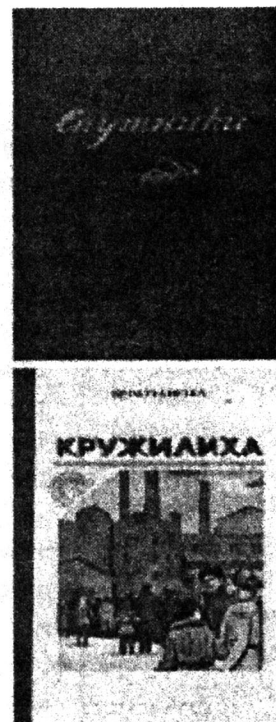
Мужская точность и выверенность каждого слова при такой женской их сути. Женского в ней было очень много. Даже в последние годы, когда от бывлой тоненькой Верочки в красной косынке не осталось и следа, когда фигура оплыла и отяжелела, она с нескрываемым удовольствием любила, когда при ней вспоминали ее бывшую хрупкость.

- Какая я была? - подзадоривала она старых знакомцев

- Тоненькая как веточка! - отвечали ей хором.

Вера Федоровна Панова
(1905—1973)

- Как тростиночка, - вторили другие. И она удовлетворенно улыбалась.

- Как спичечка, - говорили третьи.

- Ну это уж слишком! - иронизировала она.

Встречая ее на совещаниях и съездах писателей, многие отмечали нарядность и изысканность, с какими она была одета. Яркая помада, медный оттенок волос, в ушах крупные серьги. Ростовская молодость, юг были в ее крови, хотя почти всю жизнь она прожила в Ленинграде в квартире на Марсовом поле, и любила этот город трепетной и глубокой любовью. И хотя в своих произведениях она большей частью отдавала предпочтение женщинам скромным, неброским, но с каким удовольствием выписывала своих любимых героинь - Файну в "Спутниках" ("Ах, витязь, то была Файна"), Марьяну в "Ясном берегу" и "Сереже", Зою большую в "Сентиментальном романе", одетую в стиранное-перестиранное платье и грубые туфли и мечтающую о шелковых чулках, лакированных туфлях, замшевых перчатках и белье с кружевами.

Писательница сама была победоносная неистребимая женственность. Все человеческое, женское - любовь, разочарование, материнство, заботливость - все было пережито и выстрадано ею.

ДОРОГАЯ "ПЯТЕРКА"

Ибо надо быть "живым и только, живым и только - и навсегда"

Такой она и оставалась. И люди, близко знавшие ее, говорили, что она была мастерица готовить знаменитый ростовский борщ и печь пироги, но еще больше говорили об ее умении деликатно, и в то же время не заискивая, оказывать помощь другим.

Как-то в воспоминаниях о маршале Б. Шапошникове я прочла запоминающиеся строки: "Он был последовательным поборником строгой дисциплины, но врагом окрика. Грубость вообще ему была органически чужда. Его нельзя назвать "отцом-командиром" в общепринятом смысле этих слов: он не похлопывал подчиненного по плечу, не спрашивал заботливо, пообедал ли тот. Он был глубоко убежден, что солдат, тем более командир, должен и может сам вовремя поесть, другое дело - побеспокоиться об организации снабжения и обеспечения войск, чтобы продовольствие всегда имелось во всех частях, этого он никогда не забывал".

И до последних своих дней, когда уже почти бездвигательная, с плохо действующей правой рукой, она находила в себе силы окрывать, подбадривать, поддерживать:

"Душевно благодарю Вас за дорогой подарок - книгу рассказов. Прочла ее - точнее мне вслух прочли, т.к. сама я не читаю (слабеет зрение), единым духом. Благодарю Вас за радость, которую испытала, читая..."

И далее детальный разбор произведений на пятнадцати страницах. И только почерк, косые неровные строчки выдают то физическое усилие, с которым писалось письмо, возможно, занявшее целый день.

Три черты в ее характере наиболее привлекали внимание: искусство слушать, ошеломляющая особенность живо реагировать на услышанное и увиденное и, главное - железный порядок во всем. Из собственной внутренней железной дисциплины невольно складывалось и стремление дисциплинировать всех, с кем соприкасалась. В общественных местах достаточно было одного ее молчаливого появления, как все подтягивались. Она всегда появлялась незадолго до начала любого мероприятия, никогда не опаздывая.

Она никогда не жаловалась рассказывая о себе, не делилась чувствами, не вникала в пересуды. Была чужда суетности, снобизма. И всегда работала. Праздность была для нее огромным грехом. И всех своих положительных героев Вера Панова наделяла в первую очередь стремлением к работе и умению работать азартно, так, чтобы труд был в радость.

* * *

"Жить надо, радуясь, умирать надо без страха", - как-то написала она. Вера Федоровна Панова умерла 3 марта 1973 года и была похоронена на тихом кладбище в Комарово недалеко от могилы любимой ею Анны Андреевны Ахматовой.

Спустя 14 лет, в первое свое посещение Ленинграда, я стояла около скромной могилы Пановой и вспоминала последние строки из ее романа "Кружилиха":

"Будет ли день, когда человек скажет: "Я всем доволен, премного благодарен, мне больше ничего не надо"? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян и никогда не сняты леса для строителя. А кто произнес такие слова, тот мертв, от него нечего ждать живым".

А еще через 4 года в душевной аудитории Института русского языка и литературы я сдавала экзамен по советской литературе. Нет, я не знала "Цемент" Ф. Гладкова и трилогии Федина. Но, возможно, дорогой наш Мстислав Иванович почувствовал во мне ту самую "не мертвую" душу, от которой есть что ждать живым. Пятерка в тот день мне была поставлена не за знания, не за умение складно говорить, а за душу и память. "Пятерка" эта дорога мне до сих пор. Стараясь быть достойна ее.

Прим. При написании эссе использованы материалы из воспоминаний о В. Ф. Пановой и ее собственные автобиографические эссе. Автор выражает искреннюю благодарность за предоставленный материал.

Как мне кажется, эти слова в полной мере можно отнести и к Вере Пановой. Она не походила на свои книги. В реальной жизни посторонние ее немного опасались и к ней нелегко было подступиться. И не потому, что всегда выглядела крайне занятой, а потому что очень редко улыбалась, почти не шутила, вообще была корректна, но сдержанна до холодности. Но те, кого она, пройдя сквозь собственное душевное сито, впускала в свой мир, всегда отмечали ее добросердечие без подбострастия, царственность радушной хозяйки, предельное, настороженное внимание к собеседнику, но без заискивания перед ним. И предельную тактичность в оказании помощи. Делать добро, не афишируя. Чаще всего те, кому она помогала, понятия об этом не имели, а узнав, не осмеливались благодарить.

Так, например, одна из молодых писательниц, вспоминая: "Моя книга залегала в издательстве из-за того, что ее объем был мал. И вдруг, без каких бы то ни было пояснений, книга внезапно вышла!"

Когда мне вручали авторские экземпляры, в редакции нашлась добрая душа и подарила мне "на память" три страницы отпечатанного на машинке текста. Это была рецензия Веры Пановой!"